

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA
Uniwersytet Łódzki

ЭВОЛЮЦИЯ СЮЖЕТА О ДОН ЖУАНЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОТ НАРОДНОГО ПРЕДАНИЯ К МИФУ НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Как отмечает Всеволод Багно, сюжет о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп или каменное изваяние, и преданий о севильском обольстителе¹. Первая из них является отголоском древнейшего мифа о статуе Венеры, не позволившей снять с пальца надетое юношей кольцо. Этот эпизод получает развитие в фольклоре разных европейских народов в различных вариантах сюжета о шутнике, пнувшем лежащий у него на пути череп и пригласившем его обладателя к себе на ужин².

Сюжет о Дон Жуане формируется в теснейшей связи с фольклором, а именно с галисийскими легендами и кастильско-леонскими романсами об оскорблении покойника и приглашении его на ужин³. Среди многочисленных испанских романсов об оскорблении мертвого выделяются так называемые романсы о Каменном госте, в которых происходит замена черепа Каменным гостем — ожившей статуей, которая мстит своему обидчику.

Другая составляющая генезиса Дон Жуана — это не сохранившееся предание севильского происхождения о распутном гран-

¹ В.Е. Багно, *Расплата за своеволие, или воля к жизни*, // В. Багно (сост.), *Миф о Дон Жуане. Новеллы, стихи, пьесы*, «Terra Fantastica», Санкт-Петербург 2000, с. 6.

² В.Е. Багно, *Дон Жуан*, <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm> (13. 04. 2018).

³ См. об этом подробнее: А.А. Богдасарова, «Мой верный друг, мой ветреный любовник...» (о фольклорных источниках легенды о Дон Жуане), «Научная мысль Кавказа» 2008, № 3, <https://cyberleninka.ru/article/v/about-the-folk-sources-of-the-legend-of-don-juan> (23. 05. 2018).

де, обольщающим всех встреченных им женщин⁴. Испанский фольклорный источник связывает появление литературного образа с реальными прототипами — севильским аристократом XIV в. доном Хуаном Тенорио либо с доном Мигелем графом де Маранья, жившим в XVII в.

Итак, мотивная структура сюжета о Дон Жуане возникает как результат сращения двух мотивов: оскорбления покойника и соблазителя. При этом, как считает Багно, основой для истории о Дон Жуане послужила главным образом легенда об оскорблении черепа⁵. Многочисленные примеры обращения к этой легенде в европейском фольклоре находим в работе Алексея Веселовского. Вслед за ученым назовем исландское сказание о юноше, посмеявшемся над скелетом, португальскую легенду о пире с мертвецом или французское предание о банкете с мертвецом⁶.

Мотивы оскорбления мертвеца можно обнаружить и в русском фольклоре. Пример — былина о поездке Василия Буслаева в Иерусалим: герой «пнул ногой сухую кость и сухую голову», за что был наказан смертью, когда в другой раз, смеясь над нею, перескакивал с дружиной через могильную плиту. Другим вариантом является один из рассказов о мертвецах, включенный Александром Афанасьевым в сборник русских сказок под номером 351: дерзкая девка наказана за то, что снимает с умершего саван⁷.

Нетрудно заметить, что героев русских легенд, оскорбивших мертвого, всегда ждет наказание. Похожая развязка характерна и для западноевропейских обработок мотива. Выказывая пренебрежение черепу, героини-нечестивцы бросают вызов общественной и религиозной морали, за что следует расплата.

Второй из магистральных мотивов истории о Дон Жуане — мотив соблазителя, также известен русскому фольклору. Достаточно вспомнить былинку о неудачной женитьбе Алеши Поповича или об Алеше Поповиче и сестре Збродовичей, в которых разработан мотив шутника и бабьего пересмешника, а также нарушителя запрета⁸.

⁴ В.Е. Багно, *Дон Жуан*, <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm> (13. 04. 2018).

⁵ В.Е. Багно, *Расплата за своеволие...*, с. 6.

⁶ А.Н. Веселовский, *Этюды и характеристики*, Тип. И.Н. Кушнерова и К°, Москва 1903, с. 64.

⁷ См. об этом: В.Е. Багно, *Расплата за своеволие...*, с. 7, 8.

⁸ Там же.

В первой былине можно обнаружить отголоски легенды об ожившем мертвце. Мечтая о свадьбе с женой Добрыни Никитича, Алеша Попович приносит ложное известие о смерти богатыря. Хитрец детально описывает его труп, а в одном из вариантов былины привозит с собой голову Добрыни Никитича⁹. Но в день свадьбы неожиданно появляется «мертвец». Так, в сюжете былины совмещаются повествование о неудачной женитьбе героя, основанное на конфликте «обманутый муж–совратитель», и вариант истории о явлении «мертвца». Правда, мотив наказания здесь отсутствует.

Во второй былине разработан, прежде всего, мотив хитрого бабьего пересмешника, который соблазнил девушку, несмотря на усилия братьев, оберегающих сестру. В большинстве вариантов Алеша избегает гнева и наказания братьев, но в одном из них они отсекают ему голову, не простив позора сестры.

Итак, по мнению Багно, на русской почве произведение, подобное мифу о Дон Жуане, могло возникнуть как результат контаминации былин о Василие Буслаеве и Алеше Поповиче. Тем не менее в древнерусской культуре потребности в объединении двух мотивов не было¹⁰. А когда в XIX в. она возникла, то в распоряжении Пушкина и его последователей находилась уже многовековая культурная традиция мифа о Дон Жуане¹¹.

Первым в литературе, кто дополнил мотивную структуру сюжета о юноше, оскорбившем покойника, мотивом соблазнения женщины, был испанский монах Тирсо де Молина. Созданный им на основе народных легенд образ Дон Жуана оказался чрезвычайно притягательным для писателей разных эпох и народов.

В настоящей статье мы проследим трансформацию фольклорных мотивов в процессе их литературной обработки русскими авторами.

Итак, в истории Дон Жуана выделяются несколько литературных вершин, оказавших влияние на его восприятие. Рассматривая трансформацию фольклорных мотивов, мы будем опираться на известную русскую версию мифа о Дон Жуане, представлен-

⁹ www.byliny.ru/biblio/propp/dobrynya-v-otjezde (07.05.2018).

¹⁰ В.Е. Багно, *К вопросу о контаминации легенд об оскорблении черепа и о «бабьем насмешнике»*, (*Легенда о Дон Жуане и былины о Василии Буслаеве и Алеше Поповиче*), // Д.С. Лихачев (отв. ред.), *Res Philologica. Филологические исследования*, Наука, Москва 1990, с. 288.

¹¹ Там же, с. 290.

ную в *Каменном госте* Александра Пушкина. От нее перейдем к поздним модификациям.

Одна из причин привлекательности и художественной продуктивности данного образа объясняется, на наш взгляд, обращением Пушкина к мотиву оскорбления памяти усопшего и его загробной мести, сопровождаемым редукцией мотива соблазнителя. Решение автора «сократить» любовные приключения Дон Гуана до двух героинь можно рассматривать как отход от фольклорной традиции. Если фольклорные истории о любовных похождениях и бесчинствах молодого распутника развиваются, по замечанию Константина Курлени, в основном в духе плутовского романа «с примесью нравоучительного предания»¹², то Пушкин превращает повествование о Дон Жуане в нравственную коллизию. Переход от бытового сюжета к серьезным философским проблемам происходит благодаря фантастическому событию — появлению надгробной статуи. История о людских пороках становится повествованием, возвышающимся до уровня первооснов бытия, в которых актуализируются вопросы жизни и смерти, добра и зла, индивидуального желания и нравственного закона и др.

И хотя до Пушкина мотив оживания статуи подвергался многочисленным интерпретациям, поэт акцентировал роль этого мотива в формировании мифа. *Каменный гость* строится на противоборстве витального и смертного, что материализовано в эпитафии, а затем в заглавии пьесы. Оно состоит из определения «каменный», символизирующего неподвижность и смерть, и существительного «гость», которое ассоциируется со значениями: «гостеприимство», «хлебосольство», «пир», «веселье».

Поэтическая антиномия рельефно выступает в ряду сцен из трагедии. В этом плане особо выделяются страстные любовные сцены свидания с Лаурой и Анной. Наиболее эффектной оказывается финальная сцена, когда ликующий Дон Гуан остановлен статуей, олицетворяющей смерть.

Каменный гость, написанный в первую болдинскую осень, входит в число произведений поэта, насыщенных образами ста-

¹² К.М. Курленя, *Три эссе о Дон Жуане. К исследованию имажинативного абсолюта одноименной мифологемы*, // Б.А. Шиндин (ред.), *Мифема «Дон Жуан» в музыкальном искусстве и литературе*, Новосибир. гос. консерватория им. М.И. Глинки, Новосибирск 2002, с. 152.

туй. Перечень произведений Пушкина, его рисунков, в центре которых появляются скульптуры, представлен в труде Романа Якобсона *Статуя в поэтической мифологии Пушкина*. Все они свидетельствуют о повышенном интересе писателя к скульптурной теме. Этот факт позволяет предполагать, что образ каменного гостя у Пушкина был скорее результатом интереса поэта к изобразительному искусству, с одной стороны, и к античности¹³ — с другой, чем влияния фольклорных вариантов истории о Дон Жуане.

Другую любопытную обработку образа Дон Жуана находим в поэме графа Алексея Толстого. Спустя тридцать лет после *Каменного гостя* он попытался обновить философскую и этическую интерпретацию традиционного сюжета, обратившись к философии Платона и православной мистике. По замечанию Юрия Соловьева, поэма *Дон Жуан*, написанная в 1859–1860 гг., свидетельствует о переменах в мировоззрении писателя — от православия к «духовной прелести», т.е. к оккультизму¹⁴. В письме к Болеславу Маркевичу от 11 июня 1861 г. из Парижа Толстой объяснял, что статуя командора есть не что иное, как материализация астральной силы, кабалистической идеи, которая осуществляется невидимо в каждом акте нашей воли и во всех магнетических и магических опытах¹⁵.

Толкование поэмы Алексея Толстого в рамках модного в 60-е гг. XIX в. магнетизма — явление не новое. Уже в 1900 г. кн. Дмитрий Цертелев, ставя под вопрос решающую роль литературных источников при создании образа командора, отмечал, что «Толстой интересовался магией, и непосредственный отголосок магических книг, а не влияние Гете слышится в этих стихах...»¹⁶.

Интересно разработан Толстым и второй мотив легенды. Автор сам указывает на культурные инспирации образа Дон Жу-

¹³ Подробнее о связях творчества Пушкина с античностью см.: Ю.П. Суздальский, *Символика античных имен в поэзии А.С. Пушкина*, // А.Л. Григорьев (ред.), *Русская литература и мировой литературный процесс. Сб. науч. тр.*, ЛПИ, Ленинград 1973, с. 5–42.

¹⁴ Ю.П. Соловьев, *Таинственное у графа Алексея Константиновича Толстого и литература «серебряного века»*, <https://sites.google.com/site/urijsoloveev/tainstvennoe-u-grafa-aleksea-konstantinovica-tolstogo-i-literatura-serebranogo-veka> (14.05.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Д. Цертелев, *Основная идея «Дон Жуана» гр. А.К. Толстого*, «Ежегодник Императорских Театров». Сезон 1900–1901 г. (приложение), № 1, с. 2.

ана. Называя имена Моцарта и Гофмана, он предлагает интерпретацию образа в романтическом ключе¹⁷. Показывая героя как искателя идеала, Толстой сосредотачивает внимание на отношениях Дон Жуана и Анны.

При разработке второго мотива Толстой затрагивает актуальную для своего времени проблему — кризис института брака. Командор, выступающий в поэме Толстого отцом Анны, настаивает на том, чтобы Дон Жуан и Анна сочетались законным браком. Брак представляется ему идеальной житейской моделью, сочетающей христианское благочестие с экономической целесообразностью. Брак — гарант благополучия его дочери. К тому же, эта модель поддерживала традиции рыцарской верности даме сердца и требовала крайних форм сатисфакции по поводу всякого посягательства на честь женщины. Взгляды командора на брак звучали особенно остро в русском обществе в 60-е гг. XIX в. — в период увлечения нигилизмом, согласно которому брак и семейные узы считались предрассудком. Сталкивая Дон Жуана с командором, Толстой поднимал актуальную для своего времени этическую проблему.

Русские писатели XX в. предлагают другие, не менее оригинальные интерпретации основных мотивов истории о Дон Жуане. Из богатого литературного наследия мы выбрали четыре произведения — стихотворение *Шаги командора* (1912) Александра Блока, поэму *Дон Жуан* (1922–1923) Николая Оцупа, поэмы *Конец Дон-Жуана* (1938) и *Старый Дон-Жуан* (1978) Давида Самойлова.

Рассмотрим два первых произведения. В них образ командора утрачивает признаки каменной статуи в пользу внешней неопределенности.

В стихотворении Блока сходство командора со статуей происходит на ассоциативном уровне. Описывая приближение командора, поэт характеризует его шаги как «тяжелые», что может вызвать ассоциацию со словом «каменные». При этом шаги названы тихими, что разрушает представление о передвижении каменной статуи. Слово «тяжелый» может быть вписано в следующий синонимический ряд: страшный — опасный — суровый — мучительный. Это позволяет уточнить смысл фразы. Командор предвещает страшное и мучительное наказание. При таком

¹⁷ См. письмо Толстого Маркевичу от 20 марта 1860, А.К. Толстой, *Собр. соч.*, т. 4, «Художественная литература», Москва 1964, с. 113.

толковании командор Блока означает скорее карающую инстанцию, чем каменное изваяние.

Блок почти не упоминает о любовных подвигах Дон Жуана, сосредоточиваясь на их последствиях, которые трагичны как для соблазнителя, так и для Донны Анны. Поэт переводит историю в другой план, изображая столкновение человека, лишённого прежних идеалов, с судьбой, олицетворяемой командором.

В поэме Оцупа как будто обнаруживается непоследовательность в изображении Командора. Используя определение «каменный» («каменный вожатый», «каменная длань»), автор в то же время подчеркивает, что Командор — сновидческий образ, результат работы подсознания, ожившее во сне «старинное предание». Подчеркивая отсутствие в Командоре телесного, Оцуп характеризует данный образ как сотканный из тумана или дыма. Поэт, таким образом, ссылается на архаичный прообраз мстителя, на теорию Юнга о подсознании и сновидениях.

Мотив соблазнителя, как и у Блока, переводится Оцупом в современный план, в социальный контекст, предшествующий событиям Первой мировой войны, а затем — в военное время. При разработке второго из мотивов поэт, как и следовало ожидать, обращается к Пушкину, но не к *Каменному гостю*, а к *Сказке о рыбаке и рыбке*¹⁸.

Два других произведения, которые мы рассмотрим, — поэмы Давида Самойлова *Конец Дон-Жуана* и *Старый Дон Жуан*. Их разделяют сорок лет. Это интересный пример эволюции образов Дон Жуана и Командора, а также связанных с ними сюжетов не только в литературе XX в., но и в творчестве конкретного поэта.

В изображении своих героев Самойлов порывает как с романтической, так и с модернистской традициями. Он создает образы, сочетающие черты потускневшего бывшего идалго, заключающего в трактире сделку с Мефистофелем, и постаревшего соблазнителя, беседующего в трактире с черепом Командора. Обращение Самойлова к образу черепа может служить отсылкой к фольклорным источникам истории о Дон Жуане. При этом появление черепа Командора лишено романтического ареола

¹⁸ Более подробно литературные источники стихотворения Оцупа разработаны нами в статье «Старый рок», «Соглядатай суровый», «Сержант Командоров». Трансформации образа Командора в русской поэзии первой половины XX века, «Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica» 2016, № 9, с. 73–84.

и элементов чудесного. Обнаруженный в придорожных «прахе и пыли» череп Командора заставляет вспомнить русскую былинку о Василии Буслаеве, а не величественную статую из трагедии Пушкина, связанную с темой Страшного суда. Череп Командора в поэме *Старый Дон Жуан* играет роль символической детали, предвещающей уход Дон Жуана в царство мертвых.

В ранней поэме *Конец Дон-Жуана* Командор отсутствует. За нищим и оборванным Дон Жуаном приходит Мефистофель, образ которого более соответствует народному представлению о нечистой силе, чем фаустовскому демону. Подобно фольклорному черту, Мефистофель Самойлова — любитель пошутить. Его злодеяния не наносят Дон Жуану ущерба. Наоборот, торговая сделка, которую соблазнитель заключил с ним, помогает герою избавиться от финансовых проблем. Второе появление Мефистофеля также отсылает к фольклорным представлениям о нечистой силе, точнее — о месте ее обитания и антропоморфном облике. Согласно народным представлениям, черта иногда трудно отличить от человека, к тому же он, как любое живое существо, физиологически изменчив. Мефистофель Самойлова является к Дон Жуану в облике постаревшего еврея, которого соблазнитель называет «лапсердаком» и «интриганом».

Несмотря на гротескное изображение черепа Командора и фигуру Мефистофеля, финалы обеих поэм различны по тональности. В ранней поэме наказание соблазнителя адом обыграно комически — Дон Жуана прогоняют из ада за непочтительное поведение. В поздней поэме постаревший Дон Жуан показан как рефлектирующий герой. Его пугает то, что находится за «гранью».

Если отношение Дон Жуана к наказанию в поэмах разное, то к женскому полу оно неизменно. Характеризуя женщин, герои Самойлова подчеркивают, главным образом, непостоянство «внучек Евы». Ветреность женщин, по мнению автора, становится основной причиной любовных побед Дон Жуана. Поэт разрушает также романтический миф об обретении Дон Жуаном в Анне небесного идеала.

Данная статья не исчерпывает тему эволюции сюжета в произведениях русских авторов. Она нуждается в дополнениях аналитического материала, во-первых, произведениями, написанными в нынешнем столетии, и, во-вторых, произведениями, в которых мотив каменного гостя отсутствует. Эволюция сюжета

ЭВОЛЮЦИЯ СЮЖЕТА О ДОН ЖУАНЕ...

о Дон Жуане связана именно с «отмиранием» некоторых ключевых мотивов (например, мотива оскорбления покойника) и образов (в том числе, образа Командора).

Как представляется, анализ фольклорных источников сюжета о Дон Жуане составляет важный этап в изучении эволюции данного образа. Это позволяет пролить свет на обстоятельства формирования мотивной структуры сюжета и понять перспективы его развития.

История о севильском оболстителе давно превратилась в основу для создания новых вариантов. Эти варианты возникают как результат литературных и культурных наслоений, обогащаются новыми интерпретациями, которые отражают эволюцию этических взглядов и художественных систем. Анализ произведений русской литературы XIX и XX вв. показывает, что их авторы чаще обращаются к образцам мировой литературы, философским, религиозным, психологическим концепциям, чем к фольклору.

Aleksandra Szymańska

EWOLUCJA FABUŁY DONŻUANOWSKIEJ W LITERATURZE ROSYJSKIEJ (OD PODANIA LUDOWEGO DO NOWOŻYTNEGO MITU)

Streszczenie

W niniejszym artykule analizie poddano sześć utworów opartych na fabule donżuanowskiej, które powstały pod piórem pisarzy rosyjskich w ciągu 150 lat. Naszym zadaniem było prześledzenie ewolucji dwóch głównych motywów składających się na fabułę donżuanowską. Punktem wyjścia dla rozważań posłużyła ludowa osnowa legend o uwodzicielu i zemście z za światów. W każdym z analizowanych utworów staraliśmy się prześledzić różne sposoby opracowania wspomnianych motywów ze wskazaniem źródeł, na które bardziej lub mniej świadomie powoływali się ich twórcy. Analiza doprowadziła nas do wniosku, że ludowa osnowa historii o Don Juanie stanowi ważny etap w jej ewolucji, którego nie należy pomijać w badaniach. Trzeba jednak pamiętać, że pierwsze znaczące opracowanie historii o Don Juanie na gruncie literatury rosyjskiej pojawiło się dopiero w roku 1830, tj. w czasie, kiedy istniała już bogata tradycja europejska w tym zakresie, a legenda mająca korzenie w folklorze hiszpańskim zdążyła się przekształcić w nowożytny mit. Badania nad wybranymi tekstami stanowią dowód, że pisarze rosyjscy częściej niż do tradycji ludowej sięgali do tradycji literackiej, modnych koncepcji filozoficznych czy psychologicznych oraz aktualnych zagadnień natury obyczajowej i etycznej.

Aleksandra Szymańska

EVOLUTION OF THE TOPOS OF DON JUAN IN THE RUSSIAN LITERATURE:
FROM FOLK LEGEND TO MODERN MYTH

Summary

The present article brings an analysis of six literary works based on the Don Juan topos which were created by Russian writers over a span of 150 years. The task has been to study the evolution of two key motives constitutive for the topos, taking as the starting point the folkloric fabric of the legend of a womanizer and the revenge from behind the grave. The aim of the analysis is to identify in all of the works under discussion various ways in which the motives were reworked and to indicate the sources on which the authors drew in a more or less conscious manner. The findings corroborate the claim that the folkloric material constitutes an important stage in the evolution of the Don Juan topos, a phase which should not be overlooked in research. It should, however, be remembered that in the Russian literature the first significant version of the story only appeared in 1830, by which time Europe could boast a rich tradition in that respect and the legend originating from the Spanish folklore had grown into a modern myth. The selected surveyed texts prove that Russian writers did not much rely on the folk sources; they drew more often on the literary tradition, influential philosophical or psychological concepts as well as on topical moral and ethical issues.